

ДИСКУРСИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА: МЕХАНИЗМЫ И ПРИНЦИПЫ АКТУАЛИЗАЦИИ

О.А. Турбина, *turbina371@mail.ru*
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация. В статье показано, что изучение механизмов актуализации дискурсивного значения слова непосредственно основано на теоретическом осмыслении процессов и принципов языкового и речевого семиозиса. В частности – на признании того, что объем значения единицы при ее выходе в речь формируется в зависимости от использования большего или меньшего объема значений из системного потенциала единицы языка.

Ключевые слова: языковой семиозис, речевой семиозис, векторный анализ

Для цитирования: Турбина О.А. Дискурсивное значение слова: механизмы и принципы актуализации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 3. С. 26–30. DOI: 10.14529/ling240304

Original article
DOI: 10.14529/ling240304

WORD'S DISCURSIVE MEANING: MECHANISMS AND PRINCIPLES OF ACTUALIZATION

O.A. Turbina, *turbina371@mail.ru*
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article demonstrates that the study of the mechanisms for actualizing a discursive meaning of the word relies fundamentally on a theoretical comprehension of the processes and principles of language and speech semiosis. Specifically, this is predicated on the comprehension that the volume of the unit's meaning in discourse is shaped by the employment of a broader or narrower range of meanings from the systemic potential of the linguistic unit.

Keywords: language semiosis, speech semiosis, vector analysis

For citation: Turbina O.A. Word's discursive meaning: mechanisms and principles of actualization. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2024;21(3):26–30. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240304

Анализ механизмов и принципов актуализации дискурсивного значения слова как языковой единицы при ее выходе в речь непосредственно связан с рассмотрением механизмов речевого семиозиса. Оптимальное решение этой задачи возможно с использованием разработанного Г. Гийомом теоретико-методологического аппарата психосемиологии (психосистематики).

Речевой семиозис, охватывающий систему речи, согласно принципу системности состоит в тесной интегративной связи с семиозисом языковым, который включает механизмы генезиса знаков в системе языка, обусловленные, с одной стороны, результатом познания универсума носителями языка, включая внутренний универсум, и результатом их использования в речи – с другой. Речевой семиозис определяется закономерностями употребления знаков языка в речи, подчиненными принципу речевой реализации системно-языкового потенциала единиц языка, по мере необходимости

реализуемого в речи. Системный (языковой) потенциал знака языка, выражаясь метафорически, это то, что языковой знак знает, умеет и способен реализовать, а дискурсивный потенциал речевой единицы это то, как единица речи может использовать системный потенциал, чему она готова научиться и что способна «придумать», сотворить. Принимая во внимание тот факт, что при речевой актуализации используются уже готовые единицы языка, языковой семиозис принято называть первичным, а речевой – вторичным семиозисом [5], что верно лишь отчасти, поскольку языковой и речевой семиозис состоят в отношениях взаимозависимости [4, с. 22]. Языковой семиозис, будучи актом виртуализации (концептуализации), на семантическом уровне представляет собой акт кодирования смысла(-ов) и формирование значения(-ий) на его (их) основе, в совокупности составляющих объем десигната языкового знака. Речевой семиозис (актуализация) – это акт использования язы-

ковых форм и значений в речи для выражения и передачи смысла. Важно, что значение формы (объем десигната) в системе языка достигнуто полностью, тогда как контекстное значение остается до конца не достигнутым, но составляет основу потенциала языковой единицы, который, как уже было сказано выше, речь использует при актуализации нужных значений для выражения определенного смысла [3, с. 83]. Иными словами, роль языка в речемыслительной деятельности и в речевом семиозисе состоит в представлении для единиц речи большего или меньшего выбора контекстных значений на основе имеющихся в системе форм значений языковых единиц.

С помощью бинарного тензора можно наглядно объяснить принцип и механизм речевого семиозиса, что позволяет представить его развертывание по горизонтали (продольное развертывание) и провести его анализ так, как это делает само мышление – сечением по вертикали (рис. 1).

Верхние участки бинарного тензора соответствуют понятийному плану (объему десигната), а нижние – структурному плану (форме десигнатора). На широком срезе участка I коренного бинарного тензора, обозначенном на схеме *смысл₁/знак языка*, показана позиция знака в системе языка как результата виртуализации смысла (совокупности смыслов), включающей когнитивные процессы интерпретации явления/события, и образование в сознании ряда значений (лексических и грамматических – формирование объема десигната), закрепленных за общей формой (оформление десигнатора). Иными словами, широкий срез участка I (U_1) соответствует результату концептуализации знака языка. Объем десигната – это по сути системный семантический потенциал единицы языка, по мере необходимости реализуемый в речи.

Порождение речевого знака инициируется выбором из совокупности системно-языковых значений и форм необходимого в конкретном речевом акте или в контексте для успешной реализации коммуникативных целей и/или полноценного выражения информации. Узкий участок тензора I, обозначенный на схеме *значение₁*, – преречевой. Он соответствует результату выбора десигнатора и

уточнения объема десигната. Преобразование языковых значений в речевые (*значение₁ → значение₂*) происходит в момент актуализации – в антропологический момент (S). Участок расширения тензора II представляет степень усложнения речевого значения актуализированной единицы при ее дискурсивном развертывании, т. е. при включении ее в определенный дискурс. Широкий срез тензора II *смысл₂/знак речи* (U_2) показывает речевой потенциал знака речи и указывает на то, что его дискурсивное значение может достигать значительного объема в случае наполнения десигната контекстными коннотациями, провоцирующими семантические приращения, сдвиги и трансформации (импликатуры, намеки и т. п.), особенно при использовании речевого знака в качестве символа, когда пределы глубины и широты передаваемого им смысла (смыслов) сложно или даже невозможно определить [4, с. 22–23]. Таким образом, позиция речевого знака на участке тензора II векторной оси будет определяться объемом десигната.

Рассмотрим, как векторный анализ может быть применен для изучения механизма актуализации дискурсивного значения слова. В качестве примера используем слово *солнце*, объем десигната которого в разных национально-языковых культурах с древнейших времен достигает широкого наполнения помимо прямых – косвенными (переносными), метафорическими и, что особенно важно, символическими значениями в силу высокой жизненно важной роли именуемого объекта – солнца – для человека и для всего живого на Земле.

Форма десигнатора в данном случае задана изначально – это слово *солнце* (без производных типа *солнышко*, *солнечный* и т. д.). Поэтому для уточнения позиций речевых единиц с различными дискурсивными значениями используются только верхние участки бинарного тензора, соответствующие понятийно-смысловому плану (объему десигната) (рис. 2).

Широкий участок U_1 бинарного тензора I соответствует позиции слова *солнце* в системе языка и указывает на его лексико-семантический потенциал, включающий всю совокупность значений, из

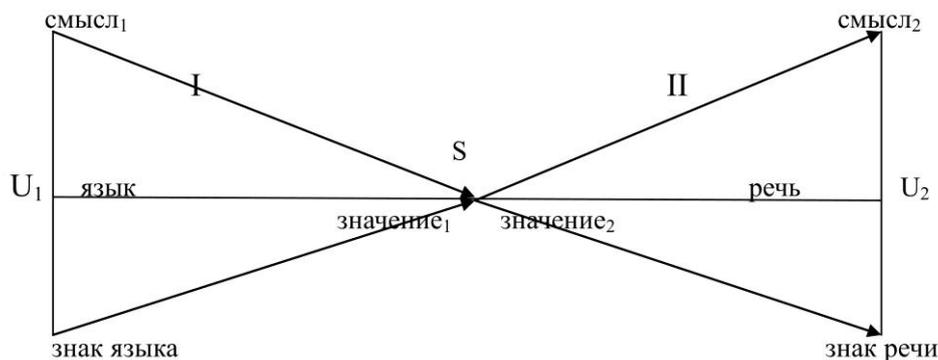

Рис. 1. Общая схема речевого семиозиса

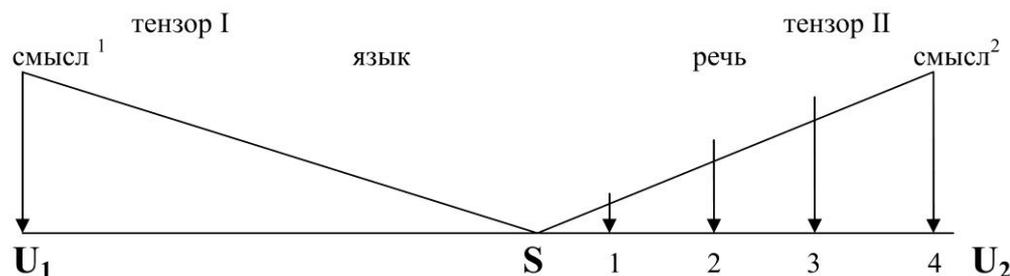

Рис. 2. Варианты позиции речевой единицы на векторной оси в зависимости от объема ее дискурсивного значения

которых может быть выбрано контекстное значение, чей объем формируется непосредственно в речи. В точке участка S слово выходит в речь со значением, позиция которого обозначается на определенном участке тензора II в зависимости от объема десигната актуализированного речевого знака. Позицию 1, предельно близкую к точке S, займет нейтральная речевая единица *солнце* из фразы типа:

Восход солнца 13 декабря на Южном Урале в 09.12, закат – в 16.25 (Из метеосводки).

Позиция слова в точке 1 соответствует самому узкому метео-астрономическому значению слова *солнце* – его прямому значению без компонентов эмотивной смысловой коннотации: *центральное тело (светило) солнечной системы*.

С древнейшим значением *небесное светило, яркий светящийся диск на небосклоне* слово *солнце* широко употребляется употребляется в обычной речи и в других формах дискурса:

Солнце скрылось за тучами.

В контексте, где описывается (констатируется) наличие солнца на небе, его восход, или заход, значение слова *солнце* близко к метео-астрономическому значению и его позиция на векторной оси тензора II близка к точке 1:

А солнце опять садилось за горы (В. Шукшин. «Солнце, старик и девушка») [7].

В тот час, когда, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея (М. Булгаков «Мастер и Маргарита») [1, ч. 1, с. 8].

Заметим, однако, что в литературном тексте десигнат слова *солнце* в большинстве случаев включает эмотивный коннотат, расширяющий его дискурсивное значение, что позволяет художественно представить в контексте место действия и его атмосферу (пейзаж) либо эмоциональное состояние героя. С таким значением оно употребляется, например, в следующих контекстах:

– *Солнце-то какое! – негромко воскликнул старик.*

– *Какое? – не поняла девушка.*

– *Большое. А-а...*

– *Да. Вообще красиво здесь* (В. Шукшин. «Солнце, старик и девушка») [7].

В данном примере речевое значение слова *солнце* актуализируется посредством его дискурсивных отношений с соседствующими речевыми знаками, а также синтаксическими приемами: позицией в восклицательной клаузе, усиленной частицей *то* с указательным значением и восклицательным местоимением *какое*, несущим восхищение качеством; парцелированной конструкцией, где степень эмотивности в десигнаторе первого парцеллята *Большое* усилена, с одной стороны, его полной парцелляцией, а с другой – подчеркнутой эмотивностью второго парцеллята *А-а...*, единственным компонентом которого является междометие, чей системный потенциал заключается, главным образом, в усилении выразительности речевого сообщения. Дискурс-компонент *солнце* в данном контексте транслирует не только красоту пейзажа, но и эмоциональное состояние героев. Девушка в ответ на восклицание старика замечает (видит) только открывающуюся перед ней общую картину, восхищается ею и соглашается со стариком: *Да. Вообще красиво здесь*. Солнце для нее – не главное в этой картине, возможно, она его даже не замечала: *Какое? – не поняла девушка*. Но для слепого старика, который уже ничего, кроме яркого света? видеть не может, солнце – единственный источник красоты, радости и смысла жизни. Поэтому он каждый день приходит любоваться солнцем:

Дни горели белым огнем. Земля была горячая, деревья тоже были горячие. Сухая трава шуршала под ногами. Только вечерами наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место – у коряги – и смотрел на солнце (В. Шукшин. «Солнце, старик и девушка»).

Заметим, что старик приходил смотреть не солнце вечерами, чтобы наблюдать, как необыкновенно красиво оно садится. Он мудр, прожил долгую жизнь и знает, что она скоро закончится, погаснет, как каждый день гаснет солнце, и надеется, что неизбежный собственный его уход будет также величественно красив. Как видим, в данном контексте десигнат речевого знака *солнце* включает коннотативные значения

красота, свет, жизнь. На векторной оси тензора II его позиция близка к точке 2.

С похожим значением слово *солнце* часто употребляется в повести грузинского писателя Надара Думбадзе «Я вижу солнце», главная героиня которой – слепая девочка Хатия. Например, в следующем контексте:

– Ты совсем ничего не видишь?

– Вижу *солнце*... Врач сказал папе, что раз я вижу *солнце*, то мне можно вернуть зрение.

– Конечно, можно! Я сам ослеп на Хасане...

Ничего не видел!

– А *солнце* видели?

– *Солнце* видел. И меня вылечили...

– Ну и я вижу *солнце*... (Н. Думбадзе. «Я вижу солнце») [2].

Поскольку главная героиня повести юная девочка, а не старик, как в рассказе Василия Шукшина «Солнце, старик и девушка», наряду с контекстными коннотациями *жизнь, свет*, дискурсивное значение слова *солнце* в приведенных контекстах включает значение *надежда*, которые по мере развития сюжета повести выявляются все более отчетливо. Погибающий от руки бандита Бежана успокаивает горяющих Хатию и Сосойю, мальчика – друга Хатии, от лица которого ведется повествование:

– Взгляните-ка на *солнце*. Вот оно скоро спустится за горой Концоула, и наступит ночь. А завтра оно поднимется из-за Суреби, и настанет день. День настанет для всех. Даже для того бандита. А для меня уже никогда не будет ни *солнца*, ни дня... Ты видишь *солнце*, Хатия?

– Вижу, Бежана, вижу!.. – Хатия заплакала громко.

– Не плачь, детка... Это хорошо, если ты видишь *солнце*. Дай бог тебе, всем вам здоровья. Успокойся, Сосойя... А что *солнце*? Оно уже закатилось?

– Нет еще, Бежана...

– Хатия, ты видишь *солнце*?

Хатия никого и ничего не видела. Она рыдала.

– А я не вижу *солнце*... – сказал Бежана.

– Видишь, как не видишь! Вон оно, над Концоулой!

– Скажи, что видишь *солнце*, Бежана! – просил я Бежану и гладил его похолодевшие руки.

Солнца на небе уже не было, но гора еще пылала оранжевым отблеском его лучей.

Бежана больше не пел... (Н. Думбадзе «Я вижу солнце») [2].

Дискурсивное значение речевого знака *солнце* в данном контексте расширяется в силу того, что в его десигнате явно акцентировано значение *жизнь* с оттенком символичности, как и в следующем фрагменте, где это значение усилено коннотатом *надежда*:

В языках пламени улыбается Хатия. «Я вижу *солнце*, Сосойя!» – говорит она, и я ничего на

свете больше не боюсь... (Н. Думбадзе «Я вижу солнце») [2].

В силу расширения объема десигнативного значения позиция речевого знака *солнце* на векторной оси тензора II передвигается за предел точки 2.

Позиция 3 на векторной оси тензора II соответствует употреблению слова *солнце* как речевого знака с переносным значением: *солнце* – о юбке, раскроенной по выкройке-кругу. В данном случае актуализировано содержащееся в семантическом потенциале языкового знака *солнце* значение *круг*, равно как и в употреблении слова *солнце* как десигнатора гимнастического упражнения (*крутить солнце* – *вращаться вокруг перекладины*). С метафорическим значением слово *солнце* используется в выражениях типа *Занять место под **солнцем***, где использован смысловой компонент системного семантического потенциала: *солнце* – *желанная и благоприятная среда обитания*. В выражении *Идти против **солнца*** актуализировано значение *солнце* – *правда, истина*).

В часто употребляемом устойчивом в быденной и в художественной речи выражении *солнце мое* актуализировано значение центр вселенной; здесь *солнце* – *главный человек в жизни, смысл жизни*.

С метафорическим значением *главный человек в жизни* слово *солнце* в следующем контексте имплицировано:

– Ты красивый, Сосойя?

– Хорошо, что ты не видишь меня!

– Я вижу тебя, Сосойя! Тебя и *солнце*. И больше ничего (Н. Думбадзе «Я вижу солнце») [2].

В последнем примере дискурсивное значение слова *солнце* отодвигает его за предел позиции 3 на векторной оси тензора II в силу того, что в метафорическом значении явно проявляется тенденция его расширения до символического: *солнце* как *символический центр или сердце Космоса, как источник тепла, жизненной силы, света, как символ жизни, как трансцендентный архетип Света*. Именно с таким символическим значением слово *солнце* употреблено в заголовках рассказа В. Шукшина «Солнце, старик и девушка» и повести Н. Думбадзе «Я вижу *солнце*». При символическом дискурсивном значении слова *солнце* объем его десигната достигает максимального предела глубины и широты, включая все заложенные в его системном семантическом потенциале смыслы, включая импликации и окказиональные смысловые приращения и трансформации, порождаемые контекстом. В силу этого слово *солнце* с символическим значением займет позицию 4 на векторной оси тензора II.

Яркий пример актуализации символического значения слова *солнце* представлен в стихотворении М. Цветаевой «Два солнца стынут»:

Два *солнца* стынут, – о Господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди.

*Как эти солнца, – прощу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стыннут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей*

(М. Цветаева) [6]

В данном стихотворении М. Цветаевой одно *солнце* – центр Вселенной, внешнего мира, другое *солнце* – центр внутренней Вселенной самой героини. Символическое значение обоих *солнц* предельно широко и включает значения *жизнь, смысл жизни, все радости (Как эти солнца сводили меня с ума!), пригрешения (прощу ли себе сама?), муки (уже не больно от их лучей!)* и т. д. Символический смысл двух *солнц*, который вкладывает в эти речевые единицы М. Цветаева, настолько широк,

что сложно перечислить все импликации и смысловые приращения, включенные в их десигнаты. С уверенностью можно констатировать, что в данном случае при актуализации слова *солнце* использована вся широта его лексико-семантического потенциала – одновременно все входящие в него значения, в силу чего оно займет позицию 4 на векторной оси тензора П.

Как видим, разработанный Г. Гийомом теоретико-методологический аппарат, в частности, метод изучения психосемиозиса языковых единиц и их выхода в речь посредством векторного анализа, позволяет наглядно представить механизмы актуализации и развертывания дискурсивного значения речевой единицы при определении ее позиции на векторной оси коренного бинарного тензора.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Москва, № 11, 1966 (ч. 1); № 1, 1967 (ч. 2). М., 1966–1967.
2. Думбадзе Н. Я вижу солнце. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/14273-39-nodar-dumbadze-ya-vizhu-solntse.html#book>
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. 218 с.
4. Турбина О.А. Семиозис эмогенного текста / Эмогенный текст / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 7–83.
5. Худяков А.А. Семиозис простого предложения: моногр. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. 272 с.
6. Цветаева М. Два солнца стыннут. <https://www.culture.ru/literature/poems/author-marina-cvetaeva?page=5>
7. Шукшин В. Солнце, старик и девушка. <https://online-knigi.com.ua/page/27186>

References

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita [The Master and Margarita]. *Moskva*, no. 11, 1966 (ch. 1); no. 1, 1967 (ch. 2). Moscow, 1966–1967.
2. Dumbadze N. *Ya vizhu solntse* [I See the Sun]. <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/14273-39-nodar-dumbadze-ya-vizhu-solntse.html#book>
3. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy linvistiki [Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress" "Kul'tura", 1992. 218 p.
4. Turbina O.A. *Semiozis emogennogo teksta*. Emogennyy tekst [Semiosis of emogenic text. Emogenic text]. Ed. O.A. Turbina. Chelyabinsk: South Ural St. Univ. Publ., 2018, pp. 7–83.
5. Khudyakov A.A. *Semiozis prostogo predlozheniya*: [Semiosis of a simple sentence]. Monografiya. Arkhangel'sk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet, 2000. 272 p.
6. Tsvetaeva M. *Dva solntsa stynut* [Two suns are getting cold]. <https://www.culture.ru/literature/poems/author-marina-cvetaeva?page=5>
7. Shukshin V. Solntse, starik i devushka [Sun, Old man and Girl]. <https://online-knigi.com.ua/page/27186>

Сведения об авторе

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, turbina371@mail.ru

Information about author

Olga A. Turbina, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, turbina371@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2024.

The article was submitted 20.02.2024.